

**ИСТОРИЯ ДЕРЕВНИ КУРМАНТАУ
И ЕЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

М.Р. Булатова

*Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
m.r.bulatova@mail.ru*

В статье рассматривается история образования татарской деревни Курмантау (по-татарски Кормантау) Гафурийского района Республики Башкортостан и лингвистические особенности носителей курмантауского говора среднего диалекта татарского языка. В ее основе материалы, собранные автором во время диалектологических экспедиций, а также труды историко-этнографического характера, архивные материалы, в т.ч. ревизские сказки, хранящиеся в фондах Уфы и Москвы. Курмантауский говор (*курмантау сөйләше*) выявлен и впервые исследован автором в 2011–2015 гг. Выявлено, что в формировании курмантауских деревень основная роль принадлежала носителям среднего и западного (мишарского) диалектов татарского языка. Доказано, что изучаемый говор имеет своеобразную систему диалектных особенностей и является самостоятельным говором среднего диалекта татарского языка. Исследование языкового материала в непосредственной связи с историей, этнографией дает возможность отобразить довольно подробную картину формирования курмантауского говора, установить основные факторы, приведшие к возникновению его своеобразия, следы взаимодействия с другими говорами татарского языка или с другими языками. Курмантауский говор, как и другие говоры, диалекты, играет важную роль в сохранении этнического самосознания, культурной преемственности поколений.

Ключевые слова: языкознание, татарский язык, диалектология, средний диалект, курмантауский говор, Республика Башкортостан, Гафурийский район, деревня Курмантау, архивные фонды.

Для цитирования: Булатова М.Р. История деревни Курмантау и ее лингвистическая характеристика // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 2. С. 264–273. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.264-273

В ходе научных экспедиций (2011–2015 гг.) в Гафурийский район Республики Башкортостан автором статьи впервые изучены говоры татарских деревень Абдуллино (по тат. *Абдулла / Таштамак*), Бурлы, Зилим-

Караново (*Жилем-Каран*), Новые Бурлы (*Яңа Бурлы*), Курмантау (*Кормантау*), Кызыл Яр, расположенных в северной части района [3; 4]. История образования деревни Курмантау и других населенных пунктов, относящихся к курмантаускому говору, как и проблемы этнического формирования носителей южной части Башкортостана, подробно описаны в монографиях М.Р. Булатовой «Морфологические особенности татарских говоров ареала “Юг Башкортостана”» (Казань, 2013) и «Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте» (Казань, 2016).

История образования

По данным автора и материалам исследований других ученых, деревня Курмантау (тат. *Кормантау*) была основана мишарами¹ на реке Агидель в 1737–1738 гг. Они были припущены башкирами-вотчинниками Кси-Табынской волости. Чуть позже здесь осели тептяри-татары и ясачные татары, платившие оброк владельцам земли. Всех жителей насчитывалось в 1783 г. – 90 чел., 1795 – 100, 1816 – 244 (из них мишаре: мужчины – 53, женщины – 48; тептяре: мужчины – 68, женщин – 75), 1850 – 393 (из них мишаре: мужчины – 84, женщины – 86; тептяре: мужчины – 105, женщин – 118), 1859 – 401, 1877 – 456 (из них мужчин – 242, женщин – 214; дворов – 88), 1896 – 740, 1906 – 873, 1912 – 978, 1920 – 1074 (в 220 домах жили 499 мужчин и 575 женщин) [4, с. 44; 5; 10, Д. 310; 8, с. 352; 9, с. 143; 7, с. 394–395], 2002 – 489, 2009 – 451, 2010 – 420 (мужчины – 195; женщин – 225) [4, с. 44]. В 1925 г. зафиксировано 158 хозяйств [9, с. 143]. Сокращение жителей Курмантау между 1920 и 1925 гг. [4, с. 351] объясняется тем, что в 1922 вспыхнула эпидемия холеры с высоким смертельным исходом. По воспоминаниям старожилов, в 1920 г. деревне было 1000 чел., к середине 1922 г. осталось около 700 чел., более 300 чел. вымерли болезнью *ваба* (холера) [4, с. 44].

Численность населения дается по материалам ревизий. В XVIII в. их проводилось пять, в первой половине XIX в. еще пять. Сведения собирались по так называемым «сказкам» старост, старшин. Позже они трижды проверялись на сельском сходе (имена, возраст, родство включенных в список людей). Сказкосоставителями были русские дворяне, чиновники, нанимавшиеся за 25–50 руб. В бланки ревизских сказок заносились данные обо всех членах семей с указанием их должностей, имен, фамилий, возраста, родства. На левой странице указывались мужчины, на правой –

¹ Мишари или татары-мишари (устар. *мещеряки*, тат. *мишәр татарлары*, *мишәр*, *мишәр*) – субэтнос татар Среднего Поволжья и Приуралья. Формирование данной группы происходило на правобережье Волги вплоть до правобережья Оки на севере. В документах XIV–XVI вв. *мишари* называются «мещеряками», а в более поздних XVI–XVII вв. под общим названием «татарь». В Башкирии в это время в сословном отношении мишари определяются как «тептяри», «башкирцы» и «мещане» или просто «крестьяне».

женщины. Собранные ревизские сказки по отдельным группам деревень с подписями юртовских и деревеньских старшин (аул картлары) направлялись кантонному начальнику [1].

В «Настоящей подворной переписи крестьянского хозяйства», произведенной в мае-июне 1912 г. по Уфимской губернии, зафиксировано, что жители Курмантау являлись «коренными собственниками», а по народности – это мешчеряки и тептяри [7, с. 394].

В первой половине XIX в. мишари относились к 4 (а по А.З.Асфандиярову – к 3) юрте 2-го мишарского кантона, а тептяри – ко 2-й команде. Бобыли, осевшие без разрешения в этой деревне, вынуждены были перейти в сословие тептярей путем оформления с башкирами документа о припуске [3, с. 56; 4, с. 46; 1; 8]. В конце XIX в. в деревне работали бакалейные лавки. Базары проводились по вторникам. Жители занимались пчеловодством [1, с. 163].

По архивным данным прослеживается, что соборная мечеть в д. Курмантау была построена в 1870 г. Число душ в это время: мужчин – 366, женщин – 319. Духовными лицами при мечети, утвержденные губернским или областным правлениями, являлись Даутов Юнус – имам и хатип (утв. указ от 4 сентября 1871 г.; № 481), Абызгильдин Гиниятулла – имам и мугаллим (утв. указ от 17 марта 1895 г., № 1199), Исламгулов Камалитдин – муэдзин (утв. 13 августа 1902 г. № 2663), Габдуллин Г. (утв. 1918 г. № 4670 (?)) [5, ф. И–295; 4, с. 46]. По рассказам матери автора статьи и по другим источникам, в 1927–1930 гг. муэдзином был Шаяхметов Кульмухамет Хазимухаметович (1884 г.р.; прадед автора), мулла Гадельшин Аскад. Общеизвестно, что в 1920–1930 гг. в Башкирии, как и в других регионах СССР, велась борьба с религией, которая в том числе сопровождалась разрушением мечетей, закрытием религиозных учебных заведений и т.д. В эти годы мечеть в Курмантау тоже закрыли. Лишь в 2013–2014 гг. была построена новая [4, с. 46–47].

В конце XIX в. (1890 г.) при мечети действовало медресе (религиозная школа). В 1905 г. работала начальная школа; 1914 – татарско-русское училище, 1917 – начальная школа, 1949 – семилетняя школа, 1958– восьмилетняя школа, 1989 – неполная средняя школа, 1998 – полная средняя общеобразовательная школа, 2010 – Курмантаевская основная общеобразовательная школа. С 1995 г. директором школы является Биктимеров Рим Мухлисович [4, с. 47]. В таблице «Сведения из источников по Стерлитамакскому уезду Уфимской губернии» находим, что в «д. Курмантаево с 1786 г. существовало училище при мечети или медресе, с количеством учеников – 60 (муж. – 40, жен. – 20) [5, ф. 11. оп. 1, Д. 959; 4, с. 47; 6, с. 47]; в 1867 г. и 1870 г. из 282 мусульманских учебных заведений Уфимской губернии в Стерлитамакском уезде всего работало 18 школ при селениях и 11 училищ при мечетях и медресе с общим количеством 1425 учеников [6, с. 45]. До Октябрьской социалистической революции в деревне

работало татарско-русское училище. После революции – светская школа, в которой преподавание велось по предметной системе.

Архивные документы свидетельствуют о том, что в центре Табынско-го, Михайловского и Курмантауского городищ – памятников VIII–III вв. до н.э. – находится гора Курмантау (тат. *Кормантау*), на вершине и склонах которой имеются культурные отложения, содержащие обломки керамики, кости животных, мощные зольные прослойки [5]. По рассказам жителей Курмантау и по мнению лингвистов, название горы образовалось от слов *Корбан + тау*, т.е. «жертвенная гора». Состав находок и название горы, высота которой является самой господствующей на данном участке долины реки Белой, наводят на мысль о том, что это место действительно могло использоваться для проведения больших праздников, во время которых приносились (общеплеменные?) жертвоприношения. Название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножья данной горы. О появлении названия деревни есть специальная легенда: «У подножья горы Курмантау проживал род людей, а в 20 км севернее у подножья горы Магаш другой род, и между этими двумя родами была постоянная вражда. И однажды, во время очередного сражения, гора покрылась трупами и гору стали называть «горой жертв». Получается, что *Курбантау*, впоследствии видоизмененное название Курмантау получила и деревня, находящаяся у подножья этой горы [4, с. 288–290; 3, с. 57].

Имеется и другая легенда об изучаемой деревне. «По рассказам стариков, до Пугачевских восстаний здесь жили казахи, и этот род постоянно воевало с людьми другого рода. И в один день казахами было убито много противников, гора была покрыта трупами. Поэтому гора стала называться *Корбантау*, затем *Кормантау* (переход звука [б] на [м] – прим. Авт.). Однажды на эту землю поселились мишаре, типтяре – татары, которые приехали из Волги. И почему то, после их прихода, казахи навсегда уехали, переселились отсюда» [11, с. 84; 4, с. 48]. И.К. Фазлутдинов обращает внимание на то, что в этой легенде, также как и в легендах о других некоторых татарских деревнях Башкортостана, не указано разрешение на права поселения в эту деревню татар у жителей, в данном случае у казахов. Ученый считает, что раз казахи так легко выселились из деревни, значит у них не было вотчинного права на землю и они жили временно [11, с. 60; 4, с. 289].

По ревизским сказкам 1816, 1834 и 1850 гг. среди мишар Курмантау большинство были с фамилиями Курмангулов, Курмангалиев, Абдулкаримов [5; 10, Д. 310, 1816 г.], Курбангалиев, Курмангалиев, Рахимкулов, Курбангулов [10, Д. 335, 1834 г.], Курмангалиев, Курмангулов, Мухаметьяминов, Салихов, Рахманкулов, Амирханов, Рахматуллин и т.д. [10, Д. 665, 1850 г.]. Заметно, что доминировали фамилии, связанные со словом *курбан* (Курбангалиев, Курбангулов, Курмангалиев, Курмангулов), что отражает название деревни. По ревизским сказкам 1811, 1816, 1834 и 1850 гг. в Курмантау жили мишари, татары-тептяри с фамилиями Абдулгазизов, Абдулгаллямов, Абдулкаримов, Абдулсаямов, Айсин, Альметов,

Амирханов, Ахмеров, Гайсин, Исламгулов, Курбангулов, Курмангулов, Курбангалиев, Курмангалиев, Кучуков, Мусин, Мухаметьяминов, Нигъматуллин, Рахимкулов, Рахманкулов, Рахматуллин, Сабангулов, Сагитов, Сайфуллин, Салихов, Сеитьягафаров, Султанбеков, Султамбеков, Солтанбеков, Султангалиев, Султанмратов, Суяргулов, Улмяскулов, Уразгулов, Уразбаев, Уразбеков, Уразгильдин, Уразметов, Шарипов и т.д. [4, с. 49; 10, ДД. 55, 105, 308, 310, 335 и др.].

Как известно, история образования татарских фамилий уходит в давние времена, когда первыми приобретали фамилии наиболее знатные и богатые представители татарских родов [5; 4, с. 49]. Пока фамилии не приобретались, идентификация с определенной семьей определялась по родовой принадлежности. Каждый представитель семейства должен был знать имена своих предков по отцовской линии до седьмого колена. Большинство татарских фамилий представляют собой производное от имени родоначальника мужского пола, поэтому первой фамилией становилось имя отца. Например, в ревизских сказках 1834 г. записано, что у *Баттала Султангалеева* сын – Хуснутдин [10, Д. 529], а в записи 1850 г. указано, что в деревне проживает *Хуснутдин Баталов* [10, Д. 656]. По ревизским сказкам 1811, 1834, 1850 гг. находим следующую информацию: 1. Айса Мусин → Султанбек Айсин (1-ый сын) → Султамбеков Губайдулла; 2. Айса Мусин → Мурзакай Айсин (2-й сын) → Рахматулла Мурзакаев → Ахматулла Рахматуллин [10, ДД. 339, 656 и т.д.]; 3. Корбангалиев Нигъматулла → Зейнулла Нигъматуллин [10, Д. 528; 4, с. 49].

Отчества у современных татар Приуралья и Поволжья появились во времена принятия ислама. Они образовывались от имени отца с добавлением *улы* (сын) или *кызы* (дочь). Например, *Абдулла улы* – Абдуллович. С течением времени традиции формирования татарских фамилий смешались со способом образования русских фамилий, т.е. к ним стали добавляться окончания *-ов, -ев, -ин*: *Курбангулов* – сын Курбангула, *Рахматуллин* – сын Рахматуллы. В годы советской власти правило было изменено – внуки наследовали фамилию отца, которая произошла от имени деда. Со временем фамилия не менялась и стала относиться ко всем потомкам татарского рода. В современном Курмантау распространены следующие фамилии: Гиззатуллины, Исламгуловы, Шаяхметовы, Халиловы, Валеевы, Шараповы, Хасановы, Хайрутдиновы, Гималетдиновы, Гафаровы, Сайгафаровы, Биктимеровы, Якуповы, Булатовы, Кинзябулатовы, Гатиятуллины, Хаж(з)иахметовы, Нургалеевы, Яппаровы, Камалтдиновы, Нафиковы, Каримовы, Гадельшины, Файзуллины, Фаткуллины, Халиковы, Хисамутдиновы, Ахметзяновы, Муллагалиевы, Афлятуллины, Усмановы, Ягафаровы и др. [4, с. 50].

Лингвистические особенности

Как отмечено выше, деревня Курмантау основана мишарями, но с течением времени (после присоединения тептяр и ясачных татар – носите-

лей среднего диалекта) их говор изменился. По языковым особенностям данные группы относятся к среднему диалекту татарского языка. Такой говор распространен в населенных пунктах Абдуллино, Бурлы, Зилим-Караново, Новые Бурлы (Яңа Бурлы), Кызыл Яр, расположенных в северной части Гафурийского района Республики Башкортостан [3, с. 56; 4]. Анализ собранного языкового материала показал, что изучаемый говор имеет своеобразную систему диалектных особенностей, что позволяет рассматривать его как отдельный самостоятельный курмантауский говор (*курмантау сөйләше*) среднего диалекта татарского языка (от названий деревни Курмантау и расположенной рядом горы Курмантау).

В формировании курмантауских деревень основная роль принадлежала носителям среднего и мишарского (западного) диалектов татарского языка. Хотя на исследуемых землях в разные годы обосновывались мишари, с течением времени говор носителей мишарского диалекта изменился (ассимилировался), испытав влияние говора татар – носителей местного-тюркского и переселившихся на данную территорию из Мензелинского («*Минзәлә ягынан килгәннәр*») и других районов Татарстана, также из Аургазинского района Республики Башкортостан среднего диалекта [4, с. 281].

Говор жителей Курмантау (как и вышеперечисленных деревень) имеет специфичные, присущие только ему особенности, не свойственные соседним татарским говорам (белебеевский, янаульский подговоры мензелинского говора, бакалинский подговор кряшен, бирский, златоустовский, тепекеевский, турбаслинский, пританыпский, учалинский, байкибашевский и стерлитамакский) ареала «Юг Башкортостана». По составу языковых особенностей курмантауский говор стоит между белебеевским подговором мензелинского говора и златоустовским говором среднего диалекта татарского языка [3; 4, с. 284].

В курмантауском говоре наиболее отличительными специфическими особенностями в области фонетики являются: соответствие *и-ә* (*кәбән* – лит. *кибән*, *кәртә* – киртә и т.п.), системное соответствие *с~ч* (*сәй* – лит. *чәй* ‘чай’), спорадические соответствия *d~з* (*дур* – зур ‘большой’), *ж~жс* (*таж* – *тажс* ‘венчик, венец’), *й~жс* (*йылы* – *жылы* ‘теплый’) и т.д.; употребление вместо заднеязычного [г] звука более заднего образования, но не глубоко-заднеязычного [ґ] (*Гәлнара* – *Гөлнара* (им. собств.), *гәлән* – лит. *гел* ‘всегда’); смягчение *ш* (*шәл* – *шал* ‘шал’); случаи вставки *с* в конце слова (*кыныс* ‘ушко и верхний край ведра’ <*кын* + афф. (*ы*)с, *йалтыс* <лит. *ялты* ‘выделенный участок в поле для посадки картошки’, *тотқас* – *тотка* ‘ручка, держатель’); случаи вставки *х* в первом слоге (*хәстеру* – лит. *өстеру* ‘наускивать’, *охшай* – *ошый* ‘нравиться’); вставка *ш* (*әшшәләу* – лит. *әвәләу*, графич. *әвәләу* ‘скатывать, обвалить, вылеплять’); вставка *ң* (*сеңгерткә* – лит. *чикерткә* ‘кузнечик’, *йаңгылыш* – *йалгыш* ‘нечаянно, ошибочно’); вставка *й* (*мүкәйләу* – лит. *мүкәләу* ‘ходить на четвереньках, ползти’); *сыйган* – *чегән* ‘цыган’, *туйызбаи йылан* – *тузбаи* ‘уж’); отклонения в названиях личных имен (*Рәмил*, *Рәдис*, *Рәфис*); и, наоборот, в женских

именах звучит как *Али́я* – лит. *А°лийэ*, *Алина* – *А°линэ* / *Элинэ*, *Асия* – *А°сийэ* и др.; в заимствованиях последний слог произносится в твердом варианте (*гимнази́я* / *гимназы́я* – *гимназийэ* < гимназия, *ривалутсы́я* – *революцийэ* < революция и т.д.) и др. [4, с. 285, 63–94; 2, с. 38–43].

Специфические особенности в области морфологии: употребление *-ай/-эй* вм. лит. *-ый/-и(й)* (*ниндэй* – лит. *нинди* ‘какой’, *тарай* – *тарый* ‘расчесывает’, *килмэйем* – *килмим* ‘не приду’), *-сыгыз/-сегез* ~ *-сыз/-сез* (*барасыгыз* – *барасыз* ‘идете’ и т.п.); колебания в употреблении узких и широких вариантов аффикса *-ыр/-ер*, *-ар/-эр*: *йазыр* – лит. *йазар*, *жиңер* – *жиңэр*; форма отрицательного аспекта будущего времени в 1 л. ед.ч. – *масмын* – лит. *мам(ын)* (*бармасмын* – лит. *бармам(мын)*); наречия типа *безнеңчә*, *сезнеңчә* лит. языка употребляются в форме *безнекенсә* ‘по-нашему’, *сезнекенсә* ‘по-вашему’; форма *диң* (лит. *диген*, *дип эйт*) во 2 лице ед. числа повелительного наклонения (*сөйләшәселәре килә диң* (диген)); употребление сокращенного варианта окончания 2 лица мн.ч. положительного и отрицательного аспектов глаголов будущего времени *-ыс/-ес*: *китерес* – лит. *китерерсез* ‘принесете’; наречий *беркилке* – *бервакытны* ‘однажды’, *азақ / адақ* – *аннары* ‘потом, затем’, *күзәмәли / күзәмәле* – лит. *күрәләтә торып*, *күз алдында*, *күзгә карап* ‘на глазах, на виду у всех’; глагола имени действия *ашақлау* – *аша чыгу* ‘перешагнуть’ и др. [3, с. 82–181; 4, с. 95–179, 285].

В ходе формирования курмантауского говора сложилась и характерная для него лексико-семантическая система. Его основу составляют общетатарские слова. Диалектная лексика проявляет большую общность с говорами среднего и западного диалектов. Обнаруживается определенное число слов, общих с говорами восточных диалектов татарского языка. В лексическом составе говора имеются слова, характерные для башкирского языка. Это вполне естественно, так как татарское население данного ареала в течение нескольких веков жило в непосредственном соседстве и в тесном контакте с башкирами (например, *сыбайлы* – лит. *жәйдак* ‘всадник, верховой’, *башантай* – *йон оекбаш* ‘шерстяные носки’, *йалагай* – *ажгаган* ‘зарница’). Имеются заимствования из русского языка (*калдауай* <кладовая – лит. *келәт*, *нәрәт бару* <наряд, *тәрликә* < тарелка – *тәлинкә* и др.), финно-угорских языков (*пыйма* – лит. *киез итек* ‘валенки’, *туйыз* – лит. *туз* ‘береста, берёстовый’ и др.). Некоторые слова восходят к древнетюркскому языку. Однако говор характеризуется большим количеством специфичных диалектизмов, не свойственных для других говоров татарского языка: *көмәгэй* – лит. *аңкау* ‘нёбо’, *сөрхет* ‘худой высокий человек’, *сыйқыт* ‘худой’, *саңнау* ‘водопой стада’, *кәшәнәк* – *касә яфракчыгы* ‘чашелистик’, *тос* – *төш* ‘ядро, косточка (плода)’, *тарават* ‘щедрый человек’, *қоно* – *бирән* ‘обжора’, *бүсмәт* ‘медлительный; толстый’, *қайау* ‘ жало пчелы’, *шылгайақ* ‘хитрец, ловкач’, *хөрәйрә* ‘высокомерный, вольный’, *бәс* ‘коричневый’, ‘иней, изморозь’, *чиқалай* – *мүкләгеч* ‘конопатка’, *пежник* – сукуп лампа ‘лампа без стекла (букв. слепая лампа)’ и др. [4, с. 199–277].

Таковы история формирования деревни Курмантау и языковые особенности курмантауского говора. Комплексный подход и тщательный анализ большого языкового материала, анализируемого в тесной связи с историческими источниками, дает возможность объективно и научно обоснованно определить место курмантауского говора в диалектной системе татарского языка и доказать, что их носители являются частью татарского народа. Сопоставительный анализ с литературным языком, с другими татарскими говорами, а также с тюркскими языками позволил прийти к выводу о том, что курмантауский говор по фонематическому составу, грамматическому строю и по основному словарному фонду представляет собой часть татарского языка и относится к среднему диалекту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асфандияров А.З. История сел и деревень Башкортостана и сопредельных территорий. Уфа: Китап, 2009. 744 с.
2. Булатова М.Р. Курмантауский говор в сравнительном освещении (фонетические особенности) // Наука XXI в. Проблемы филологии и искусствоведения. Вып. 6: Материалы Международной научной конференции молодых ученых и аспирантов. Казань, 2012. С. 35–45.
3. Булатова М.Р. Морфологические особенности татарских говоров ареала «Юг Башкортостана». Казань, 2013. 240 с.
4. Булатова М.Р. Курмантауский говор среднего диалекта татарского языка в этнолингвистическом аспекте. Казань: Изд. «Магариф-Вақыт», 2016. 384 с.
5. Государственное казенное учреждение Республики Башкортостан: Центральный исторический архив РБ (г.Уфа).
6. Исянгулов Ш.Н. «Ведомости о башкирских школах» как исторический источник по открытию мусульманских учебных заведений // Археография Южного Урала: изучение документальных источников по истории развития языков народов Южного Урала: материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа: ЦЭИ УНЦ РАН, 2006. С. 44–48.
7. Крестьянское хозяйство Уфимской губернии: Подворная перепись 1912–1913. Ч. II. Уфа: Печать, 1914.
8. Населенные пункты Башкортостана. Часть I. Уфимская губерния, 1877. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
9. Населенные пункты Башкортостана. Часть III. Башреспублика, 1926. Уфа: Китап, 2002. 400 с.
10. Ревизские сказки // Центральный исторический архив Республики Башкортостан (г. Уфа).
11. Фазлутдинов И.К. Топонимические предания и легенды татар Башкортостана: исторические основы и идейно-эстетические функции: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005.

Сведения об авторе: Булатова Миннира Рахимовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела лексикологии и диалектологии Института языка, литературы и искусства им. Г.Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (420111, ул. Карла Маркса, 12, Казань, Российская Федерация); m.r.bulatova@mail.ru

KURMANTAU VILLAGE HISTORY AND ITS LINGUISTIC CHARACTERISTICS

M.R. Bulatova

*G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art
of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
m.r.bulatova@mail.ru*

This article discusses the history of the formation of the Tatar village of Kurmantau of the Gafuri region in the Republic of Bashkortostan and the linguistic features of speakers of the Kurmantau subdialect of the Tatar language middle dialect. It is based on the materials collected by the author during dialectological expeditions, as well as historical and ethnographic works, archival materials, including revision tales stored in the funds of Ufa and Moscow. The Kurmantau subdialect was discovered and first investigated by the author in 2011–2015. It is noted that the main role in the formation of the Kurmantau villages was played by the speakers of the middle and western (mishar) dialects of the Tatar language. It is proved that this subdialect has a specific system of dialectal features, and is an independent subdialect of the middle dialect of the Tatar language. The study of linguistic material in direct relation to history and ethnography makes it possible to display a rather detailed picture of the formation of the Kurmantau subdialect, establish the main factors that led to its originality, as well as traces of interaction with other dialects of the Tatar language or with other languages. The Kurmantau subdialect, like other subdialects and dialects, plays an important role in preserving ethnic identity and cultural continuity of generations.

Keywords: linguistics, the Tatar language, dialectology, middle dialect, kurmantau subdialect, Republic of Bashkortostan, Gafuri district, Kurmantau village, archival funds.

For citation: Bulatova M.R. Kurmantau village history and its linguistic characteristics. *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 2, pp. 264–273. DOI: 10.22378/he.2019-4-2.264-273

REFERENCES

1. Asfandiyarov A.Z. *Istoriya sel i dereven' Bashkortostana i sopredel'nyh territorij* [History of villages and rural areas of Bashkortostan and its cross-border regions]. Ufa, Kitap Publ., 2009. 744 p (In Russian)

2. Bulatova M.R. Kurmantauuskij govor v sravnitel'nom osveshchenii (foneticheskie osobennosti) [The Kurmantau subdialect in comparative presentation (phonetic features)]. *Nauka XXI veka. Problemy filologii i iskusstvovedeniya. Vyp. 6: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh i aspirantov* [Science of the 21st Century. Problems of Philology and Art History. Issue 6: Proceedings of the International scientific conference of young scholars and postgraduate students]. Kazan, 2012, pp. 35–45. (In Russian)

3. Bulatova M.R. *Morfologicheskie osobennosti tatarskih govorov areala "Yug Bashkortostana"* [Morphological features of Tatar subdialects of the South Bashkortostan area]. Kazan, 2013. 240 p. (In Russian)

4. Bulatova M.R. *Kurmantauuskij govor srednego dialekta tatarskogo yazyka v etnolingvističeskom aspekte* [The Kurmantau subdialect of the Tatar language middle dialect in ethnolinguistic terms]. Kazan, Magarif-Vakyt Publ., 2016. 384 p. (In Russian)

5. Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Bashkortostan: Central'nyj istoričeskij arhiv RB [State public institution of the Republic of Bashkortostan: RB Central Historical Archive]. Ufa. (In Russian)

6. Isyngulov Sh.N. "Vedomosti o bashkirskih shkolah" kak istoričeskij istočnik po otkrytiyu musul'manskih učebnyh zavedenij ["Bulletin on Bashkir schools" as a historical source on opening Muslim educational institutions]. *Arheografiya Južnogo Urala: izučenie dokumental'nyh istočnikov po istorii razvitiya jazykov narodov Južnogo Urala: materialy VI Mezhrēgional'noj naučno-praktičeskoj konferencii* [Archeography of the South Urals: Studying documentary sources on the history of development of the South Urals people's languages: Proceedings of the 6th Inter-regional research-to-practice conference]. Ufa: CEI UNC RAS Publ., 2006, pp. 44–48. (In Russian)

7. *Krest'janskoe hozyajstvo Ufimskoj gubernii: Podvornaya perepis' 1912–1913*. Ch. II. [Peasant households of the Ufa Province: Census of homesteads in 1912–1913. Part 2]. Ufa, Pechat Publ., 1914. (In Russian)

8. *Naselennye punkty Bashkortostana. Chast' I. Ufimskaya guberniya, 1877* [Populated clusters of Bashkortostan. Part 1. Ufa Province, 1877]. Ufa, Kitap Publ., 2002. 432 p. (In Russian)

9. *Naselennye punkty Bashkortostana. Chast' III. Bashrespublika, 1926* [Populated clusters of Bashkortostan. Part 3. Bashkir Republic, 1926]. Ufa, Kitap Publ., 2002. 400 p. (In Russian)

10. *Revizskie skazki* [Census lists]. Central'nyj istoričeskij arhiv Respubliki Bashkortostan [The Central Historical Archive of the Republic of Bashkortostan]. Ufa. (In Russian)

11. Fazlutdinov I.K. *Toponimicheskie predaniya i legendy tatar Bashkortostana: istoričeskie osnovy i idejno-esteticheskie funkcii. Dis. Kand. filol. nauk* [Toponymic tales and legends of Tatars of Bashkortostan: Historical foundations and identity-esthetic functions. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Ufa, 2005. (In Russian)

About the author: Minnira R. Bulatova is a Candidate of Science (Philology), Senior Research Fellow, Department of Lexicology and Dialectology of G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatarstan Academy of Sciences (12, Karl Marks St., Kazan 420111, Russian Federation); m.r.bulatova@mail.ru